

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

Морской Ястреб *Одураченный Фортуной* *Венецианская маска*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 12

Rafael Sabatini
VENETIAN MASQUE
First published in 1934
FORTUNE'S FOOL
First published in 1923
THE SEA HAWK
First published in 1915

Copyright © Action Medical Research, Cancer Research UK
and Royal National Institute for the Blind

This edition published by arrangement with A. P. Watt at United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Н. Тихонова, В. Тирдатов, Л. Высоцкого

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки С. Шикина

Иллюстрации С. Григорьева

© В. Тирдатов (наследник), перевод, 2017
© Н. Тихонов (наследник), перевод, 2017
© Л. Высоцкий, перевод, 2017
© С. Григорьев, иллюстрации, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09310-2

Морской Ястреб

ВСТУПЛЕНИЕ

Лорд Генри Год, который, как мы увидим в дальнейшем, был лично знаком с сэром Оливером Тресиллианом, без обиняков говорит о том, что сей джентльмен обладал вполне заурядной внешностью. Однако следует иметь в виду, что его светлость отличался склонностью к резким суждениям и его восприятие не всегда соответствовало истине. Например, он отзываясь об Анне Клевской¹ как о самой некрасивой женщине, какую ему довелось видеть, тогда как, судя по его же писаниям, тот факт, что он вообще видел Анну Клевскую, представляется более чем сомнительным. Здесь я склонен заподозрить лорда Генри в рабском повторении широко распространенного мнения, которое приписывает падение Кромвеля² уродству невесты, добытой им для своего повелителя, обладавшего склонностями Синей Бороды³. Данному мнению я предпочитаю документ, оставленный кистью Гольбейна⁴, ибо он, изображая даму, которая ни в коей мере не заслуживает строгого приговора, вынесенного его светlostью, позволяет нам составить собственное суждение о ней. Мне хотелось бы верить,

¹ *Анна Клевская* (1515–1557) — дочь герцога Жана III Клевского, королева Англии, четвертая жена короля Генриха VIII, который женился на ней в 1540 г. и спустя несколько месяцев развелся. Ее портрет, написанный Гольбейном, находится в Лувре.

² *Томас Кромвель* (1485–1540) — английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–1540 гг. Содействовал укреплению английского абсолютизма. После неудач во внешней политике (к которой его современники, очевидно, относили улаживание матримониальных проблем английского монарха) обвинен в государственной измене и казнен.

³ Речь идет об английском короле Генрихе VIII. С героем сказки Ш. Перро его роднит то, что у него также было шесть жен, двух из которых он казнил, а одну, вероятнее всего, отравил.

⁴ *Ганс Гольбейн* (Младший) (1497/1498–1543) — немецкий живописец и график эпохи Возрождения, выдающийся мастер портрета.

что лорд Генри подобным же образом ошибался и относительно сэра Оливера, в чем меня укрепляет словесный портрет, набросанный рукой его светлости: «Сэр Оливер был могучим малым, отлично сложенным, если исключить то, что руки его были слишком длинными, а ступни и ладони чересчур большими. У него было смуглое лицо, черные волосы, черная раздвоенная борода, большой нос с горбинкой и глубоко сидящие под густыми бровями глаза, удивительно светлые и на редкость жестокие. Голос его — а я не раз замечал, что в мужчине это является признаком истинной мужественности, — был громким, глубоким и резким. Он гораздо больше подходил — и, без сомнения, чаще использовался — для брани на корабельной палубе, нежели для вознесения хвалы Создателю».

Таков портрет, написанный его светлостью лордом Генри Годом, и вы без труда можете заметить, сколь сильно в нем отразилась упорная неприязнь автора к оригиналу. Дело в том, что его светлость был в известном смысле мизантропом, и это красноречиво явствует из его многочисленных писаний. Именно мизантропия побудила его, как и многих других, обратиться к сочинительству. Он берется за перо не столько для того, чтобы, как он заявляет, написать хронику своего времени, сколько с целью излить желчь, накопившуюся в нем с той поры, когда он впал в немилость. Посему милорд не склонен находить что-либо хорошее в окружающих его людях и в тех редких случаях, когда он упоминает кого-то из своих современников, делает это с единственной целью: выступить с инвективой в его адрес. В сущности, лорда Генри можно извинить. Он представлял собой одновременно человека дела и человека мысли — сочетание столь же редкое, сколь прискорбны его последствия. Как человек дела, он мог бы многого достичь, если бы сам же, как человек мысли, не погубил все в самом начале своей карьеры. Отличный моряк, он мог бы стать лорд-адмиралом Англии, не помешай тому его склонность к интригам. К счастью для него — поскольку в противном случае ему едва ли удалось бы сохранить голову на том месте, которое предназначила ей природа, — над ним вовремя сгустились тучи подозрения. Карьера лорда Генри оборвалась, но, поскольку подозрения в конце концов так и не подтвердились, ему причиталась определенная компенсация. Он был отстранен от командования и милостью королевы назначен заместителем Корнуолла, в каковой должности, по общему убеждению, не мог натворить особых бед. Там, озлобленный

крушением своих честолюбивых надежд и ведя сравнительно уединенный образ жизни, лорд Генри, как и многие другие в подобном положении, в поисках утешения обратился к перу. Он написал свою желчную, пристрастную, поверхностную «Историю лорда Генри Года: труды и дни» — чудо инсинуаций, искажений, заведомой лжи и эксцентричного правописания. В восемнадцати огромных томах *in folio*¹, написанных мелким витиеватым почерком, лорд Генри излагает собственную версию того, что он называет «своим падением», и, при всей многословности исчерпав сей предмет в первых пяти из восемнадцати томов, приступает к изложению истории «дней», то есть тех событий, которые он имел возможность наблюдать в своем корнуоллском уединении. Значение его хроник как источника сведений по английской истории абсолютно ничтожно; именно по этой причине они остались в рукописи и пребывают в полном забвении. Однако для исследователя, который хочет проследить историю такого незаурядного человека, как сэр Оливер Тресилиан, они поистине бесценны. Преследуя именно эту цель, я спешу признать, сколь многим я обязан хроникам лорда Генри. И действительно, без них было бы просто невозможно воссоздать картину жизни корнуоллского джентльмена, отступника, берберийского корсара, едва не ставшего пашой Алжира — или Аргира, как пишет его светлость, — если бы не события, речь о которых пойдет ниже.

Лорд Генри писал со знанием дела, и его рассказ отличается исчерпывающей полнотой и изобилует ценнейшими подробностями. Он являлся очевидцем многих событий и водил знакомство со многими, кто был связан с сэром Оливером. Это обстоятельство существенно обогатило его хроники. Помимо всего прочего, не было такой сплетни или такого обрывка слухов, ходивших по округе, которые он счел бы слишком тривиальными и не поведал потомству. И наконец, я склонен думать, что Джаспер Ли оказал его светлости немалую помощь, поведав о событиях, случившихся за пределами Англии, каковые, на мой взгляд, представляют собой наиболее интересную часть его повествования.

Р. С.

¹ Большого формата (*лат.*).

Часть первая

СЭР ОЛИВЕР ТРЕСИЛЛИАН

Глава 1

ТОРГАШ

Сэр Оливер Тресиллиан отдыхал в величественной столовой своего прекрасного дома Пенарроу, которым он был обязан предпримчивости покойного отца, оставившего по себе сомнительную память во всей округе, а также мастерству и изобретательности итальянского строителя по имени Баньоло, лет за пятьдесят до описываемых событий прибывшего в Англию в качестве одного из помощников знаменитого Ториньяни.

Этот дом, отличавшийся поразительным, чисто итальянским изяществом, весьма необычным для заброшенного уголка Корнуолла, равно как и история его создания, заслуживает хотя бы нескольких слов.

Итальянец Баньоло, в ком талант истинного художника уживался со вздорным и необузданным нравом, во время ссоры в какой-то таверне в Саутворке имел несчастье убить человека. Спасаясь от последствий своей кровожадности, он бежал из города и добрался до самых отдаленных пределов Англии. При каких обстоятельствах он познакомился с Тресиллианом-старшим, я не знаю. Ясно одно: встреча эта оказалась для обоих как нельзя более кстати. Ралф Тресиллиан, по всей вероятности питавший неодолимое пристрастие к обществу всяческих негодяев, приютил беглеца. Чтобы отплатить за услугу, Баньоло предложил перестроить полудеревянный и к тому же полуразрушенный дом сэра Ралфа — Пенарроу. Получив согласие, Баньоло взялся за дело с увлечением истинного художника и возвел для своего покровителя резиденцию, которая для того грубого времени и глухого места явилась настоящим чудом изящества. Под наблюдением одаренного итальянца, достойного помощника мессера Ториньяни, вырос благородный двухэтажный особняк красного кирпича, полный света и солнца, льющихся в высокие окна с частыми переплетами, поднимавшиеся от фундамента до карнизов, и по всем фасадам укра-

шенный пилястрами. Парадный вход располагался под балконом в выступавшем вперед крыле здания, увенчанном стройным фронтоном с колоннами. Все это частично скрывала зеленая мантия плюща. Над красной черепичной крышей вздымались массивные витые трубы.

Но истинной славой Пенарроу — точнее, нового Пенарроу, порожденного фантазией Баньоло, — был сад, разбитый на месте чащобы, которая некогда окружала дом, господствовавший над холмами мыса Пенарроу. В дело, начатое Баньоло, Природа и Время также внесли свою лепту. Баньоло разбил прекрасные эспланады и окружил изысканными балюстрадами три великолепные террасы, соединенные лестницами. Он соорудил фонтан и собственными руками изваял стоящего над ним гранитного фавна и дюжину мраморных нимф и лесных божеств, которые ослепительно белели среди густой зелени. Природа и Время устлали поляны бархатным ковром, превратили буксовые посадки в живописные густолиственные ограды, вытянули вверх пикообразные темные тополя, окончательно придавшие этим корнуоллским владениям сходство с пейзажем Италии.

Сэр Оливер отдыхал в столовой своего прекрасного дома и, созерцая только что описанную картину, залитую мягкими лучами сентябрьского солнца, находил, что она очень красива, а жизнь — очень хороша. Однако, пожалуй, еще не было человека, который разделял бы подобный взгляд на жизнь, не имея для оптимизма более веских причин, чем красота окружающей природы. У сэра Оливера таких причин было несколько. Во-первых, — хотя сам он, возможно, и не подозревал об этом — он обладал преимуществами молодости, богатства и хорошего пищеварения. Во-вторых, к своим двадцати пяти годам он уже успел стяжать славу в испанском Мэйне¹ и при недавнем разгроме Непобедимой армады², за что был пожалован в рыцари самой королевой-девственницей³. Третьей, и последней, причиной блаженного настроения

¹ *Испанский Мэйн* — название, данное испанским владениям на северном побережье Южной Америки, начиная от устья реки Ориноко до полуострова Юкатан.

² *Непобедимая армада* — крупный военный флот, созданный в 1586–1588 гг. Испанией для завоевания Англии. В 1588 г. понес огромные потери в результате сильного шторма и столкновения с английским флотом в Ла-Манше. В Испанию вернулась лишь половина кораблей, а морское могущество Испании было подорвано.

³ Речь идет об английской королеве Елизавете I Тюдор (1533–1603).

сэра Оливера — я приберег ее под конец, ибо считаю конец наиболее подходящим местом для главного, — было то, что Амур, который порой причиняет столько мук влюбленным, благосклонно отнесся к сэру Оливеру и позаботился о том, чтобы его ухаживания за леди Розамундой Годолфин приняли самый счастливый оборот.

Итак, сэр Оливер небрежно сидел в высоком резном кресле, его колет был расстегнут, длинные ноги вытянуты, и на губах, оттененных тонкой полоской черных усов, блуждала мечтательная улыбка. (Портрет, написанный лордом Генри, принадлежит более позднему периоду.) Был полдень, и наш джентльмен только что отобедал, о чем свидетельствовали стоявшие на столе блюда с остатками кушаний и полупустая бутылка. Он задумчиво курил длинную трубку, ибо уже успел пристраститься к этому недавно завезенному в Англию обычаю, и, предаваясь мечтам о даме своего сердца, благословлял судьбу, наделившую его титулом и славой, которые он мог сложить к ногам леди Розамунды.

Природа наделила сэра Оливера изрядной долей проницательности (по выражению милорда Генри, «он был хитер, как двадцать чертей»), а прилежное чтение принесло ему весьма обширные познания. Однако ни природный ум, ни благоприобретенные совершенства не открыли ему глаза на то, что из всех божеств, вершащих судьбы смертных, нет более ироничного и злокозненного существа, чем тот самый Амур, которому он сейчас курил фимиам из своей трубки. Древние прекрасно знали, что этот невинный с виду мальчуган на самом деле — коварный плут, и не доверяли ему. Сэр Оливер либо не знал мнения здравомыслящих древних, либо не предавал ему значения. Ему было суждено понять эту истину, лишь пройдя через суровые испытания. И сейчас, когда его светлые глаза мечтательно следили за игрой солнечных лучей на террасе, он и представить себе не мог, что тень, мелькнувшая за высоким окном, предвещала мрак, который уже начал сгущаться над его безоблачной жизнью.

Вслед за тенью показался и ее обладатель — особа высокого роста в нарядном платье и черной широкополой испанской шляпе, украшенной кроваво-красными перьями. Помахивая длинной, перевитой лентами тростью, посетитель проследовал мимо окон гордо и невозмутимо, как сама судьба.

Улыбка сошла с губ сэра Оливера. На его смуглом лице появилось выражение озабоченности, черные брови нахмурились,

и между ними пролегла глубокая складка. Затем улыбка медленно вернулась на его уста, но не прежняя — добрая и мечтательная; теперь в ней чувствовались твердость и решительность. И хотя чело сэра Оливера разгладилось, от этой улыбки казалось, что в глазах у него горит насмешливый, хитрый и даже зловещий огонь.

Слуга сэра Оливера Николас доложил о приходе мастера Питера Годолфина, и названный джентльмен тут же вошел в столовую, опираясь на трость и держа в руке широкополую испанскую шляпу. Это был высокий, стройный молодой человек года на два — на три моложе сэра Оливера, с таким же, как у него, носом с горбинкой, который усиливало высокомерное выражение, застывшее на его красивом, гладко выбритом лице. Его каштановые волосы были несколько длиннее, чем того требовала тогдашняя мода, что же касается платья молодого джентльмена, то оно свидетельствовало о щегольстве, вполне простительном в его возрасте.

Сэр Оливер встал и с высоты своего роста поклонился, приветствуя гостя. Волна табачного дыма попала в горло франтова того посетителя, он закашлялся, и на его лице появилась гримаса неудовольствия.

— Я вижу, — произнес он, кашляя, — вы уже приобрели эту отвратительную привычку.

— Я знал и более отвратительные, — сдержанно заметил сэр Оливер.

— Нимало не сомневаюсь, — отвечал мастер Годолфин, недвусмысленно давая понять о своем настроении и цели визита.

В намерения сэра Оливера вовсе не входило облегчить задачу мастера Годолфина, и потому он сдержал себя.

— Именно поэтому, — сказал он с иронией, — я надеюсь, что вы проявите снисходительность к моим недостаткам. Ник, стул для мастера Годолфина и еще один бокал! Добро пожаловать в Пенарроу.

По бледному лицу младшего из собеседников скользнула усмешка.

— Вы крайне любезны, сэр. Боюсь, я не сумею отплатить вам тем же.

— У вас будет достаточно времени, прежде чем я попрошу вас.

— Попросите? Чего?

— Вашего гостеприимства, — уточнил сэр Оливер.

— Именно об этом я и пришел говорить с вами.

— Не угодно ли вам сесть? — предложил сэр Оливер, показывая на стул, принесенный Николасом, и жестом отпуская слугу.

Мастер Годолфин оставил приглашение сэра Оливера без внимания.

— Я слышал, — сказал он, — что вчера вы приезжали в Годолфин-Корт.

Он помедлил и, поскольку сэр Оливер молчал, глухо добавил:

— Я пришел сообщить вам, сэр, что мы были бы рады отказаться от чести, которой вы устаиваете нас своими визитами.

При столь недвусмысленном оскорблении сэру Оливеру стоило немалого усилия сохранить самообладание, но его загорелое лицо побледнело.

— Вы, должно быть, понимаете, Питер, — произнес он, — что сказали слишком много для того, чтобы остановиться. — Он помолчал, внимательно глядя на посетителя. — Не знаю, говорила ли вам Розамунда, что она оказала мне честь, согласившись стать моей женой...

— Она еще ребенок и плохо разбирается в своих чувствах, — оборвал мастер Годолфин.

— Вам известна какая-нибудь серьезная причина, по которой она должна отказаться от своих чувств?

В голосе сэра Оливера прозвучал вызов. Мастер Годолфин сел и, положив ногу на ногу, водрузил шляпу на колено.

— Мне известна целая дюжина причин, — ответил он. — Но нет нужды приводить их. Будет достаточно, если я напомню вам, что Розамунде только семнадцать лет и что я и сэр Джон Киллигрю являемся ее опекунами. Ни сэр Джон, ни я никогда не признаем эту помолвку.

— Прекрасно! — прервал его сэр Оливер. — А кто просит вашего признания или признания сэра Джона? Розамунда, благодарение Богу, скоро станет совершеннолетней и сможет сама распорядиться собой. Под венец мне не к спеху, а по природе — в чем вы, вероятно, только что убедились — я на редкость терпелив. Я подожду. — Он затянулся трубкой.

— Ваше ожидание ни к чему не приведет, сэр Оливер. И лучше бы вам понять это. Ни сэр Джон, ни я не изменим своего решения.

— Вот как! Прекрасно! Пришлите сюда сэра Джона, и пусть он поведает мне о своих намерениях, я же кое-что расскажу о своих.

Передайте ему от меня, мастер Годолфин, что, если он возьмет на себя труд прибыть в Пенарроу, я сделаю с ним то, что уже давно следовало сделать палачу, — я собственными руками отрежу этому своднику его длинные уши.

— Ну а пока что, — раздраженно заявил мастер Годолфин, — не угодно ли вам на мне испробовать вашу пиратскую доблесть?

— На вас? — переспросил сэр Оливер и смерил мастера Годолфина ироничным взглядом. — Я, мой мальчик, не мясник и не потрошу цыплят. Кроме того, вы — брат своей сестры, а я все не намерен множить препятствия, которых и без того хватает на моем пути.

Тут он наклонился над столом и заговорил другим тоном:

— Послушайте, Питер, в чем дело? Даже если вы считаете, что между нами есть какие-то серьезные разногласия, неужели мы не можем договориться и покончить с ними? И при чем здесь сэр Джон? Этот скряга вообще не стоит внимания. Иное дело вы. Вы — брат Розамунды. Бросьте ваши мнимые обиды. Будем откровенны и поговорим как друзья.

— Друзья? — снова усмехнулся гость. — Наши отцы подали нам хороший пример.

— Какое нам дело до отношений наших отцов? Тем более стыдно — быть соседями и постоянно враждовать друг с другом. Неужели мы последуем этому достойному сожаления примеру?

— Уж не хотите ли вы сказать, что во всем был виноват мой отец?! — едва сдерживая ярость, воскликнул мастер Годолфин.

— Я ничего не хочу сказать, мой мальчик. Я считаю, что им обоим должно было быть стыдно.

— Прекратите! Вы клеветецете на усопшего!

— Значит — я клеветшу на обоих, если вам угодно именно так расценивать мои слова. Но вы ошибаетесь. Я говорю, что они оба были виноваты и должны были бы признать это, случись им воскреснуть.

— В таком случае, сэр, ограничьтесь в ваших обвинениях своим любезным батюшкой, с которым не мог поладить ни один порядочный человек.

— Полегче, милостивый государь, полегче!

— Полегче? А с какой стати? Ралф Тресиллиан был позором всей округи. С легкой руки вашего беспутного родителя любая деревушка от Труро до Хелстона просто кишит здоровенными тресиллиановскими носами вроде вашего.

Глаза сэра Оливера сузились. Он улыбнулся:

— А как вам, позвольте спросить, удалось обзавестись именно таким носом?

Мастер Годолфин вскочил, опрокинув стул.

— Сэр, — вскричал он, — вы оскорбляете память моей матери!

Сэр Оливер рассмеялся:

— Не скрою, в ответ на ваши любезности по адресу моего отца я обошелся с ней несколько вольно.

Какое-то время мастер Годолфин в немой ярости смотрел на своего оскорбителя. Не в силах сдержать бешенства, он перегнулся через стол, поднял трость и, резким движением ударив сэра Оливера по плечу, выпрямился и величественно направился к двери. На полпути он остановился и произнес:

— Жду ваших друзей и сведений о длине вашей шпаги.

Сэр Оливер вновь рассмеялся.

— Едва ли я дам себе труд посылать их, — сказал он.

Мастер Годолфин круто повернулся и посмотрел сэру Оливеру в лицо:

— Что? Вы спокойно снесете оскорбление?

— У вас нет свидетелей. — Сэр Оливер пожал плечами.

— Но я всем расскажу, что ударил вас тростью!

— И все вас сочтут лжецом. Вам никто не поверит. — Он вновь изменил тон: — Послушайте, Питер, мы ведем себя недостойно. Признаюсь, я заслужил ваш удар. Память матери для человека дороже и священнее, чем память отца. Будем считать, что мы квиты. Так неужели мы не можем полюбовно договориться обо всем остальном? Что проку бесконечно вспоминать о нелепой ссоре наших отцов?

— Между нами стоит не только эта ссора. Я не потерплю, чтобы моя сестра стала женой пирата.

— Пирата? Боже милостивый! Я рад, что мы здесь одни и вас никто, кроме меня, не слышит. В награду за мои победы на море ее величество сама посвятила меня в рыцари, а раз так, то ваши слова граничат с государственной изменой. Поверьте, мой мальчик, все, что одобряет королева, вполне заслуживает одобрения мастера Питера Годолфина и даже его ментора, сэра Джона Киллигрю. Ведь вы говорите с его голоса, да и прислал вас сюда не кто иной, как он.

— Я не хожу ни в чьих посыльных, — горячо возразил молодой человек; он сознавал, что сэр Оливер прав, и от этого раздражение его только усилилось.

— Называть меня пиратом глупо. Хокинс¹, с которым я ходил под одними парусами, был посвящен в рыцари еще раньше меня, и те, кто называет нас пиратами, оскорбляют саму королеву. Как видите, ваше обвинение просто несерьезно. Что еще вы имеете против меня? Здесь, в Корнуолле, я не хуже других. Розамунда оказывает мне честь своей любовью, я богат, а к тому времени, когда зазвонят свадебные колокола, стану еще богаче.

— Ваше богатство — это плоды морских разбоев, сокровища потопленных судов, золото от продажи рабов, захваченных в Африке и сбытых на плантации, это богатство вампира, упившегося кровью, кровью мертвецов.

— Так говорит сэр Джон? — глухим голосом спросил сэр Оливер.

— Так говорю я.

— Я слышу. Но я спрашиваю: кто преподнес вам этот замечательный урок? Ваш наставник сэр Джон? Разумеется, он. Кто же еще? Можете не отвечать. Им я еще займусь, а пока соблаговолите узнать истинную причину ненависти, которую питает ко мне благородный сэр Джон, и вы поймете, чего стоят прямота и честность этого джентльмена, друга вашего покойного отца и вашего бывшего опекуна.

— Я не стану слушать, что бы вы ни говорили о нем.

— О нет, вам придется выслушать меня хотя бы потому, что я был вынужден слушать то, что он говорит обо мне. Сэр Джон стремится получить разрешение на строительство в устье Фаля. Он надеется, что рядом с гаванью вырастет город, как раз вблизи от его собственного поместья Арвенак. Заявляя о своем бескорыстии, он представляет дело так, будто ратует за процветание Англии. При этом он ни словом не обмолвился о том, что земли в устье Фаля принадлежат именно ему, а значит, и заботится он прежде всего о процветании своего семейства. Я совершенно случайно встретил сэра Джона в Лондоне, когда он подавал свое дело на рассмотрение двора. Между тем мне самому вовсе не безразлична судьба Труро и Пенрина. Но в отличие от сэра Джона я не скрываю своих

¹ *Джон Хокинс* (1532–1595) — английский адмирал, один из первых работорговцев; участник сражения с испанской Непобедимой армадой (1588).

интересов. Если в Смитике начнется строительство, то он окажется в гораздо более выгодном положении, чем Труро и Пенрин, что настолько же не устраивает меня, насколько это выгодно сэру Джону. Я могу позволить себе быть откровенным, поэтому я все сказал ему и подал королеве контрпрошение. Момент для меня был благоприятный: я — один из моряков, разгромивших Непобедимую армаду, и отказать мне было нельзя. Так что сэр Джон как прибыл ко двору с пустыми руками, так и уехал ни с чем. Стоит ли удивляться, что он ненавидит меня? Называет меня пиратом, а то и того хуже. С его стороны вполне естественно представлять в ложном свете мои дела на море, ведь именно благодаря им у меня достало сил нарушить его планы. Своим оружием в борьбе со мной он выбрал клевету; мое же оружие иное, что я и докажу ему не далее как сегодня. Если вы не верите моим словам, поезжайте со мной и будьте свидетелем короткой беседы, которую я надеюсь иметь с этим скрягой.

— Вы забываете, — сказал мастер Годолфин, — что и мои земли лежат по соседству со Смитиком, так что тут затронуты и мои интересы.

— Силы небесные! — воскликнул сэр Оливер. — Наконец-то сквозь тучи праведного негодования дурной кровью Тресиллианов и моими пиратскими склонностями блеснул луч истины! Оказывается, вы тоже всего-навсего торгаш. Какой же я глупец, что поверил в вашу искренность и говорил с вами как с честным человеком! Если бы я знал, какое вы мелочное и ничтожное существо, то, клянусь, не стал бы попусту тратить время.

Тон и презрительное выражение на губах сэра Оливера подействовали на его собеседника словно пощечина.

— Эти слова... — начал было мастер Годолфин, но сэр Оливер прервал его:

— Самое малое, чего вы заслуживаете. Ник! — громко позвал он.

— Вы за них ответите, — огрызнулся посетитель.

— Так слушайте же, — сурово продолжал сэр Оливер. — Вы приходите в мой дом и несете всякий вздор о том, будто бы распутство моего покойного отца, его давняя ссора с вашим отцом, мои пиратские, как вы их называете, подвиги, да и самый образ моей жизни препятствуют моей женитьбе на вашей сестре, а на проверку выходит, что истинная причина, подогревающая вашу

враждебность, — те несколько жалких фунтов годового дохода, что я помешал вам прикарманить. Вон из моего дома, и да простит вас Бог!

В эту минуту в столовую вошел Ник.

— Вы еще услышите обо мне, сэр Оливер, — произнес бледный от гнева мастер Годолфин. — Вам придется ответить за свои слова.

— Я не дерусь с... лавочниками, — вспыхнул сэр Оливер.

— Как вы смеете так называть меня?!

— И в самом деле, надо признаться, что этим я оскорбляю весьма достойное сословие. Ник, проводите мастера Годолфина.

Глава 2

РОЗАМУНДА

Вскоре после ухода посетителя спокойствие вернулось к сэру Оливеру, и он принялся обдумывать свое положение. Однако через некоторое время им вновь овладела ярость. На этот раз причиной было сознание того, что, поддавшись гневу во время недавнего разговора, он еще больше увеличил преграду, стоящую между ним и Розамундой. Но тут направление мыслей сэра Оливера изменилось, и весь его гнев обратился на сэра Джона Киллигрю. Он рассчитается с ним, рассчитается немедленно! И небо будет ему свидетелем.

Сэр Оливер позвал Ника и приказал принести сапоги.

— Где мастер Лайонел? — спросил он, когда слуга вернулся.

— Он только что возвратился, сэр Оливер.

— Попросите его прийти сюда.

В столовую почти сразу же вошел сводный брат сэра Оливера, стройный юноша, очень похожий на свою мать — вторую жену беспутного Ралфа Тресиллиана. Телом он так же мало походил на старшего брата, как и душой. У него были золотистые волосы, синие глаза и девически нежное матово-бледное лицо. Фигура молодого человека отличалась юношеским изяществом — ему шел двадцать первый год, — и он был одет с изысканностью придворного щеголя.

— Этот щенок Годолфин приезжал навестить вас? — спросил мастер Лайонел, входя в столовую.

— Да, — прогремел сэра Оливер. — Он приезжал кое-что сказать мне и услышать кое-что от меня.

— Вот как! Я повстречался с ним перед самыми воротами, и он пропустил мимо ушей мое приветствие. Гнусный мерзавец!

— Вы разбираетесь в людях, Лал. — Сэр Оливер надел сапоги и встал. — Я еду в Арвенак обменяться парой любезностей с сэром Джоном.

Плотно сжатые губы и решительный вид сэра Оливера столь красноречиво говорили о его намерениях, что мастер Лайонел схватил его за руку:

— Но вы не собираетесь?..

— Да, мой мальчик.

И чтобы успокоить явно встревоженного брата, сэр Оливер нежно похлопал его по плечу.

— Сэр Джон, — объяснил он, — слишком болтлив. Я собираюсь научить его добродетели молчания.

— Но, Оливер, ведь будут неприятности.

— Да, у него. Тот, кто называет меня пиратом, работорговцем, убийцей и бог знает кем еще, должен быть готов к последствиям. Но вы задержались, Лал. Где вы были?

— Я далеко ездил. В Малпас.

— В Малпас? — Сэр Оливер прищурился — это была его привычка. — Я слышал краем уха, какой магнит влечет вас туда. Будьте осторожны, мой мальчик. Вы слишком часто ездите в Малпас.

— Что вы имеете в виду? — несколько холодно спросил Лайонел.

— Всего лишь то, что вы — сын своего отца. Не забывайте этого и постарайтесь не пойти по его стопам, дабы вас не постигла его участь. Достойный мастер Годолфин только что напомнил мне о неких слабостях сэра Ралфа. Прошу вас, не ездите в Малпас слишком часто. Вот все, что я хочу сказать.

Сэр Оливер одной рукой ласково обнял младшего брата за плечи: он несколько не хотел обидеть юношу.

Когда сэр Оливер ушел, Лайонел сел обедать; Ник ему прислуживал. Однако ел молодой человек мало и за всю короткую трапезу ни разу не обратился к старому слуге. Он сидел, глубоко задумавшись, и мысленно следовал за братом, который, горя жаждой мщения, скакал в Арвенак... Сэр Джон — не какой-нибудь сопляк, а мужчина в полном расцвете сил, солдат и моряк. Если с Оливе-

ром что-нибудь случится... При этой мысли Лайонела охватила дрожь, и почти против воли он принялся прикидывать, какие последствия подобный исход имел бы для него самого. Он подумал, что для него все может измениться к лучшему. В ужасе он попытался отогнать столь недостойную мысль, но тщетно — она возвращалась вновь и вновь. Не в силах отделаться от нее, Лайонел стал размышлять над своим нынешним положением.

У него не было других средств, кроме содержания, выдаваемого братом¹. Их беспутный отец умер, как обычно умирают люди такого склада, оставив своему наследнику кучу долгов и не раз перезаложенные имения. Даже Пенарроу был заложен, а деньги спущены на кутежи, карты и бесчисленные любовные увлечения сэра Ралфа Тресиллиана. После смерти отца Оливер продал доставшееся ему от матери небольшое имение в Хелстоне и вложил деньги в какое-то дело в Испании. Затем снарядил корабль, нанял команду и вместе с Хокинсом отплыл на одну из тех морских авантюр, которые сэр Джон Киллигрю не без основания называл пиратскими набегами. Он вернулся с богатой добычей пряностей и драгоценных камней, которой вполне хватило на то, чтобы выкупить родовые имения Тресиллианов. Вскоре Оливер вновь ушел в море и вернулся еще богаче. Тем временем Лайонел оставался дома и наслаждался покоем. Он любил покой. По природе он был ленив и обладал тем изощренным и расточительным вкусом, который столь часто сочетается с ленью души. Лайонел не был рожден для борьбы и труда и вовсе не стремился исправить этот досадный недостаток своего характера. Время от времени он задавался вопросом, что сулит ему будущее, когда Оливер женится, и начинал опасаться, как бы его жизнь не изменилась к худшему. Впрочем, опасения эти едва ли были серьезны: как и у большинства людей подобного склада, задумываться о будущем было не в его правилах. Когда мысли Лайонела все же принимали такое направление, он отгонял их, успокаивая себя тем, что, помимо всего прочего, Оливер любит его и никогда ни в чем ему не откажет. И он, без сомнения, был прав. Оливер был ему скорее отцом, нежели братом. Умирая от раны, нанесенной ему неким разгневанным супругом, их отец поручил Лайонела заботам старшего брата.

¹ В Англии существовал майорат — форма наследования, по которой вся собственность переходила к старшему из наследников по мужской линии.

В то время Оливеру было семнадцать лет, а Лайонелу — двенадцать. Но Оливер казался настолько старше своего возраста, что Ралф Тресилиан, похоронивший двух жен, привык во всем полагаться на своего решительного, надежного и смышленного сына от первого брака.

Все это вспомнилось Лайонелу, когда, задумчиво сидя за столом, он тщетно пытался отогнать коварную и удивительно навязчивую мысль о том, что если дела в Арвенаке примут для его старшего брата неблагоприятный оборот, то ему самому это принесет немалую выгоду, поскольку все, чем он сейчас пользуется по доброте Оливера, будет принадлежать ему по праву. Казалось, сам дьявол нашептывал ему, что если Оливер умрет, то скорбь его не будет слишком долгой. Чтобы заглушить этот отвратительный внутренний голос, который его самого в минуты просветления приводил в ужас, он старался вызвать воспоминания о неизменной доброте и привязанности Оливера, старался думать о любви и заботе, которыми старший брат окружал его все эти годы. Он проклинал себя за то, что хоть на минуту позволил себе мысли, которым только что предавался.

Противоречивые чувства, терзавшие его душу, борьба совести с себялюбием привели Лайонела в такое возбуждение, что с криком «Vade retro, Satanas!»¹ он вскочил на ноги.

Старый Николас увидел, что юноша побледнел, а на лбу у него выступили капли пота.

— Мастер Лайонел! Мастер Лайонел! — воскликнул он, вглядываясь маленькими живыми глазами в лицо своего молодого господина. — Что случилось?

Лайонел вытер лоб.

— Сэр Оливер отправился в Арвенак, чтобы наказать... — начал он.

— Кого, сэр?

— Сэра Джона за клевету.

На обветренном лице Николаса появилась улыбка.

— Всего-то? Клянусь Девой Марией, давно пора. У сэра Джона слишком длинный язык.

Спокойствие старого слуги и свобода, с какой тот рассуждал о поступках своего господина, поразили Лайонела.

¹ «Изыди, Сатана!» (лат.)

— Вы... вы не боитесь, Николас... — Он не закончил, но слуга понял, что имел в виду молодой человек, и заулыбался еще шире.

— Боюсь? Чепуха! Я никогда не боюсь за сэра Оливера. И вам не надо бояться. Он вернется домой, и за ужином у него будет волчий аппетит: после драки с ним всегда так.

Дальнейшие события этого дня подтвердили правоту старого слуги, лишь с той разницей, что сэру Оливеру не удалось исполнить обещание, данное мастеру Годолфину. Когда сэр Оливер бывал разгневан или считал себя оскорбленным, он становился безжалостен, как тигр. Он скакал в Арвенак, исполненный твердой решимости убить клеветника. Меньшее его бы не удовлетворило. Прибыв в прекрасный замок семейства Киллигрю, который высился над устьем Фаля и был укреплен по всем правилам фортификационного искусства, сэр Оливер узнал, что Питер Годолфин уже там. Из-за присутствия Питера слова сэра Оливера были более сдержанными, а обвинения менее резкими, нежели те, что он собирался высказать. Предъявляя счет сэру Джону, он хотел еще и оправдаться в глазах брата Розамунды, показать ему, сколь нелепа преднамеренная клевета, которую позволил себе сэр Джон.

Однако сэр Джон — ведь для поединка требуется равное участие двух сторон — сполна внес свою лепту, и ссора стала неизбежной. Его ненависть к «пирату из Пенарроу» — а именно так он называл сэра Оливера — была столь велика, что сей достойный дворянин горел не меньшим желанием вступить в бой, чем его посетитель.

Для поединка они выбрали уединенное место в парке, окружавшем замок, и сэр Джон — худощавый бледный джентльмен лет тридцати — со шпагой в одной руке и кинжалом в другой набросился на сэра Оливера с яростью, не уступавшей ярости его изустных нападений. И все же его горячность принесла ему мало пользы. Сэр Оливер предпринял эту поездку с определенной целью, а останавливаться на полпути было не в его правилах.

Через три минуты все было кончено. Сэр Оливер тщательно вытирал клинок своей шпаги, а его хрипящий противник лежал на траве, поддерживаемый смертельно бледным мастером Годолфином и испуганным грумом, который присутствовал на поединке в качестве свидетеля.

Сэр Оливер вложил шпагу и кинжал в ножны, надел колет и, подойдя к поверженному противнику, внимательно посмотрел на него. Он был недоволен собой.

— Думаю, я лишь на время заставил его замолчать, — сказал он. — Но надеюсь, этот урок принесет свои плоды и отучит сэра Джона лгать. По крайней мере, в отношении меня.

— Вы глумитесь над побежденным, — злобно проговорил мастер Годолфин.

— Боже упаси! — серьезно сказал сэр Оливер. — Поверьте, у меня и в мыслях этого не было. Я лишь сожалею — сожалею, что не довел дело до конца. Я пришлю помощь из замка. Всего доброго, мастер Питер.

Возвращаясь из Арвенака, сэр Оливер, прежде чем отправиться домой, завернул в Пенрин. У ворот Годолфин-Корта он остановился. Замок стоял на самом высоком месте мыса Трефузис, над дорогой в Каррик. Сэр Оливер повернул коня и через старые ворота въехал на мощный галькой двор. Он спешил и приказал доложить о себе леди Розамунде.

Он нашел ее в будуаре — светлой комнате с наружной башенкой в восточной части дома. Из окон будуара открывался чудесный вид на узкую полоску воды и поросшие лесом склоны. Розамунда сидела у окна с книгой на коленях. Когда сэр Оливер появился в дверях, она вскочила с чуть слышным радостным восклицанием и смотрела, как он идет через комнату. Глаза юной леди сверкали, щеки покрылись ярким румянцем.

К чему описывать ее? Едва ли в Англии был хоть один поэт, который не воспел бы красоту и прелесть Розамунды Годолфин, оставшись равнодушным к ореолу славы, осиявшему ее благодаря сэру Оливеру; отрывки этих творений многие до сих пор хранят в памяти. Она была шатенкой, как брат, и отличалась прекрасным ростом, хотя из-за девической стройности фигуры казалась слишком хрупкой.

Сэр Оливер обнял ее за гибкую талию чуть повыше пышных фижм и подвел к стулу. Сам он устроился рядом на подоконнике.

— Вы привязаны к сэру Джону Киллигрю... — произнес наш джентльмен, и по тону его было довольно трудно определить, что это — утверждение или вопрос.

— О, конечно. Он был нашим опекуном до совершеннолетия брата.

Сэр Оливер нахмурился:

— В этом вся сложность. Я едва не убил его.

Розамунда отпрянула от него и откинулась на спинку стула. Увидев ее побледневшее лицо и ужас в глазах, он поспешил объяс-

нить причины, побудившие его к столь решительному поступку, и коротко рассказал о клевете, которую распространял сэр Джон в отместку за то, что ему не удалось получить разрешение на строительство в Смитике.

— Сперва я не обращал на это внимания, — продолжал сэр Оливер. — Я знал, что обо мне ходят всякие слухи, но презирал их, равно как и того, кто их распускает. Но он пошел еще дальше, Роз: он натравил на меня вашего брата, разбудив дремавшую вражду, которая при жизни моего отца разделяла наши дома. Сегодня Питер приходил ко мне с явным намерением затеять ссору. Он говорил со мной тоном, на который до сих пор никто не отваживался.

При этих словах Розамунда вскрикнула, ибо они напугали ее еще больше. Сэр Оливер улыбнулся:

— Неужели вы полагаете, что я способен причинить Питеру хоть какой-нибудь вред? Это ваш брат, и для меня его особа священна. Он приходил сообщить мне, что помолвка между вами и мною невозможна, запретил мне впредь приезжать в Годолфин-Корт, в лицо обозвал меня пиратом, вампиром и оскорбил память моего отца. Я убедился, что источник клеветы — Киллигрю, и сразу отправился в Арвенак, чтобы навсегда покончить с ним, но не совсем преуспел в своем намерении. Как видите, Роз, я с вами откровенен. Возможно, сэр Джон останется жить, тогда, надеюсь, урок пойдет ему на пользу. Я не откладывая пришел к вам, — заключил он, — чтобы обо всем случившемся вы узнали от меня, а не от того, кто хочет меня очернить.

— Вы... вы имеете в виду сэра Питера? — воскликнула она.

— Увы! — вздохнул сэр Оливер.

Розамунда сидела неподвижно, глядя прямо перед собой и как бы не замечая сэра Оливера. Наконец она заговорила.

— Я не разбираюсь в мужчинах, — грустно сказала она. — Да и где было научиться этому девушке, которая всю жизнь провела в уединении. Мне говорили, что вы — человек необузданный и страстный, что у вас много врагов, что вы легко поддаетесь гневу и с беспощадной жестокостью преследуете своих противников.

— Значит, вы тоже слушаете сэра Джона, — пробормотал он и усмехнулся.

— Обо всем этом мне говорили, — продолжала Розамунда, будто не слыша его, — но я отказывалась верить, потому что отдала вам свое сердце. И вот сегодня... Что же вы подтвердили сегодня?

— Свое терпение, — коротко ответил сэр Оливер.

— Терпение? — как эхо, повторила она, и на ее губах мелькнула усмешка. — Вы просто издеваетесь надо мной.

Он вновь принялся объяснять:

— Я уже сказал вам, что позволял себе сэр Джон. Многие из того, что он предпринимал с целью лишить меня доброго имени, мне уже давно было известно. Но я отвечал ему молчаливым презрением. Разве такое поведение подтверждает слухи о моей жестокости? О чем же оно говорит, как не о долготерпении? Даже тогда, когда в своей мелочной торгашеской злобе он стремится отнять у меня счастье всей моей жизни и подсылает ко мне вашего брата, я опять-таки сохраняю выдержку. Понимая, что ваш брат всего лишь орудие, я отправляюсь к тому, кто использует его в своих целях. Зная о вашей привязанности к сэру Джону, я прощал ему столько, сколько не простил бы ни один благородный человек в Англии.

Розамунда по-прежнему избегала его взгляда; она еще не оправилась от ужасного известия, что человек, которого она любит, обогрил свои руки кровью одного из самых дорогих ей людей. Видя это, сэр Оливер бросился на колени и взял в ладони тонкие пальцы возлюбленной. Та не отняла руки.

— Роз, — в его низком голосе звучала мольба, — выбросьте из головы все, что вам наговорили раньше. Подумайте над тем, что рассказал вам я. Представьте себе, что к вам приходит мой брат Лайонел и, обладая определенной властью и правами, заявляет, что вы никогда не станете моей женой, клянется помешать нашему браку, поскольку считает вас женщиной, недостойной носить мое имя. Добавьте к этому, что он оскорбляет память вашего покойного отца. Что бы вы ему ответили? Говорите, Роз! Будьте честны перед собой и предо мною. Представьте себя на моем месте и признайтесь откровенно — можете ли вы осуждать меня за мой поступок? Неужели вы поступили бы иначе?

Розамунда всматривалась в обращенное к ней лицо сэра Оливера, молившее о беспристрастном приговоре. Вдруг в ее глазах засветилась тревога. Она положила руки ему на плечи и заглянула прямо в глаза:

— Нол, поклянитесь, что все было именно так, как вы говорите, что вы ничего не прибавили и не изменили в свою пользу.

— Неужели вам нужна моя клятва? — спросил он, и она заметила, как опечалилось его лицо.

— Если бы это было так, я бы вас не любила. Мне необходимо знать, что вы сами уверены в правдивости своих слов. Поделитесь со мной своей уверенностью: она придаст мне сил вынести все, что теперь будут говорить об этой истории.

— Бог мне свидетель — я сказал чистую правду! — торжественно ответил сэр Оливер.

Склонив голову ему на плечо, Розамунда тихо заплакала.

— Теперь, — сказала она, — я знаю, что вы поступили правильно, и уверена — ни один честный человек не мог бы поступить иначе. Мне нужно верить вам, Нол, ведь без этой веры мне нечего ждать, не на что надеяться. Подобно огню, вы захватили лучшее, что во мне есть, и, превратив в пепел, храните в своем сердце. Потому-то я и уверена в вашей правоте.

— И так будет всегда, дорогая, — пылко прошептал он. — Да и как может быть иначе, раз вы самим Небом посланы утвердить меня на этом пути!

— И вы будете терпеливы с Питером? — ласково спросила Розамунда.

— Клянусь вам, ему не удастся вывести меня из себя, — ответил сэр Оливер. — А знаете, ведь он сегодня ударил меня.

— Ударил? Вы об этом не говорили!

— У меня была ссора не с ним, а с приславшим его негодяем. Над ударом Питера я только посмеялся.

— У него доброе сердце, Нол, — продолжала она, — и со временем он полюбит вас. Вы тоже поймете, что он заслуживает вашей любви.

— Он уже заслужил ее тем, что любит вас.

— А вы не измените вашего отношения, пока нам придется ждать друг друга?

— Обещаю, что нет, дорогая. А пока я постараюсь избегать встреч с ним и, дабы не случилось какой-нибудь беды, подчинюсь его запрещению приезжать в Годолфин-Корт. Менее чем через год вы станете совершеннолетней, и никто не посмеет запретить вам бывать, где вы пожелаете. Что значит год, когда есть надежда!

Розамунда провела рукой по его лицу.

— Со мной вы всегда так нежны, Нол, — ласково прошептала она, — что просто не верится, когда говорят о вашей жестокости.

— А вы не слушайте, — ответил он. — Возможно, я и бывал жесток, но вы исцелили меня. Мужчина, который любит вас, обязательно должен быть нежным.

Он поцеловал ее и встал.

— Ну а теперь, — сказал он, — мне лучше уйти. Завтра утром я буду гулять на берегу, и если у вас возникнет такое же желание...

Леди Розамунда рассмеялась и тоже встала.

— Я приду, милый Нол.

— После того, что произошло, пожалуй, так будет лучше, — улыбаясь, сказал сэр Оливер и простился.

Она дошла с ним до лестницы и, пока сэр Оливер спускался, взглядом, исполненным гордости, провожала статную фигуру своего возлюбленного.

Глава 3

КУЗНИЦА

Предусмотрительность сэра Оливера, первым рассказавшего Розамунде о печальных событиях, не замедлила подтвердиться. Возвратясь домой, мастер Годолфин сразу отправился к сестре. Страх за сэра Джона, жалость к нему, замешательство, которое он всегда испытывал перед сэром Оливером, и гнев, подогреваемый всем этим, привели его в то расположение духа, при котором он бывал особенно склонен к резкости и бахвальству.

— Мадам, — отрывисто объявил он, — сэр Джон умирает.

Ответ, последовавший на это сообщение, ошеломил Питера и ни в коей мере не способствовал успокоению его возбужденных чувств.

— Знаю, — сказала Розамунда, — и считаю, что он вполне заслужил это. Тому, кто распускает клевету, надо быть готовым к расплате...

Довольно долго он стоял молча, бросая на сестру яростные взгляды, после чего разразился проклятиями, обвинениями в противоестественных чувствах и наконец объявил, что «грязная собака Тресиллиан» околдовал ее.

— Слава богу, — ответила Розамунда, — Оливер был здесь до вас и рассказал мне, как все произошло.

Но тут напускное спокойствие и гнев, которыми она встретила обвинения брата, покинули Розамунду.

— Ах, Питер, Питер! — с болью воскликнула она. — Я надеюсь, что сэр Джон поправится. Я потрясена этим ужасным собы-

тием, но прошу тебя, будь справедлив! Сэр Оливер рассказал мне, что ему пришлось вынести.

— В таком случае ему придется вынести кое-что похуже. Как Бог свят! Если вы думаете, что его поступок останется безнаказанным...

Розамунда бросилась на грудь к брату, умоляя его прекратить ссору. Она говорила о своей любви к сэру Оливеру, о том, что решила стать его женой, какие бы препятствия ей ни пришлось преодолеть. Подобные речи едва ли могли изменить к лучшему состояние духа, в котором пребывал Питер. И все же любовь, что всегда связывала брата и сестру крепкими узами, сделала свое дело: мастер Годолфин наконец смилостивился и пообещал оставить это дело, если сэру Джону будет суждено выздороветь. Но если сэр Джон умрет — что, вероятнее всего, и случится, — то долг чести призывает его искать отмщения за деяние, коему он сам в немалой степени способствовал.

— Я, как в открытой книге, читаю в душе этого человека, — с бахвальством зеленого юнца заявил Питер. — Он коварен, как сам дьявол. Но меня ему не провести. Он целил в меня. Киллигрю был только средством. Он хочет, чтобы вы принадлежали ему, Розамунда, и поэтому — о чем он прямо мне и заявил — не может иметь дела лично со мною, как бы я ни вызывал его на это. Я даже ударил его. За это он мог бы убить меня, но он знал, что моя смерть от его руки воздвигнет непреодолимое препятствие между ним и вами. О, он хитер, как все дьяволы преисподней! Поэтому, чтобы смыть позор нанесенного мною оскорбления, он сваливает вину на Киллигрю и решает убить его, так как полагает, что это послужит мне предупреждением. Но если Киллигрю умрет...

И мастер Годолфин продолжал в том же духе, то и дело сбиваясь и перескакивая с одной мысли на другую.

Розамунда слушала брата, и ее любящее сердце испытывало все большие страдания при виде того, как разгорается непримиримая вражда двух самых дорогих для нее существ. Она понимала, что, если один из них падет от руки другого, она никогда не сможет поднять глаза на оставшегося в живых.

Наконец, вспомнив о клятве сэра Оливера и его обещании, чего бы это ему ни стоило, не покушаться на жизнь ее брата, она немного успокоилась. Она верила Оливеру, полагалась на его слово и ту редкостную силу, что позволила ему ступить на стезю,

которую осмелился бы выбрать далеко не каждый. От этих размышлений она стала гордиться сэром Оливером еще сильнее и возблагодарила Бога, пославшего ей возлюбленного, который во всех отношениях был великаном среди людей.

Однако сэр Джон Киллигрю не умер. В течение семи дней душа его в любую минуту могла проститься с этим миром и воспарить в мир лучший, но на исходе седьмого дня он начал выздоравливать. К октябрю он уже выезжал из дому. Утратив добрую половину своего веса, бледный и осунувшийся, он являл собой подобие тени.

Один из первых визитов он нанес в Годолфин-Корт, куда приехал по просьбе Питера поговорить с Розамундой относительно ее помолвки.

Брат и сестра были вверены заботам сэра Джона их покойным отцом, и он достойно исполнял обязанности опекуна до совершеннолетия Питера. Он любил Розамунду с пылкостью влюбленного, смягченной истинно отцовским чувством, граничащим с обожанием. Хладнокровно все обдумав и очистив душу от недостойного предубеждения против Оливера Тресиллиана, сэр Джон тем не менее чувствовал, что слишком многое в этом человеке вызывает его неприязнь, и потому сама мысль видеть Розамунду его женой была для него нестерпима.

Вот почему, оправившись от раны, он и счел своим долгом отправиться в Годолфин-Корт с увещеваниями, о которых его просил Питер. Памятуя о былом предубеждении, он проявил в разговоре с Розамундой известную осторожность и не слишком упорствовал в доводах.

— Но, сэр Джон, — возразила она, — если каждого мужчину проклинать за грехи его предков, то где же вы найдете мне мужа, который заслужил бы ваше одобрение?

— Его отец... — начал сэр Джон.

— Говорите о нем, а не о его отце, — прервала Розамунда.

— Именно это я и делаю, — ответил он, пытаясь выиграть время и собраться с мыслями. Всякий раз, когда Розамунда перебивала его и просила не уклоняться от темы, сэр Джон лишался своих лучших аргументов. — Достаточно уже и того, что он унаследовал многие порочные черты своего отца. Мы видим это по той жизни, что он ведет. Возможно, что он унаследовал и что-нибудь похуже, — время покажет.

— Иными словами, — пошутила она с предельно серьезным выражением лица, — мне надо подождать, пока сэр Оливер не умрет от старости, и я смогу убедиться, что у него нет грехов, мешающих быть достойным супругом.

— Нет-нет, — воскликнул он, — боже упаси! Вы все переворачиваете с ног на голову.

— О нет, сэр Джон, именно вы этим занимаетесь. Я всего лишь ваше зеркало.

Сэр Джон заерзал на стуле и уступил.

— Пусть будет так, — раздраженно ответил он. — Поговорим о тех недостатках сэра Оливера, которые он уже успел проявить. — И сэр Джон принялся перечислять их.

— Но все это не более чем ваше суждение о сэре Оливере: всего лишь то, что вы о нем думаете.

— Так думает весь свет.

— Но ведь я выхожу замуж на основании того, что я сама думаю о своем избраннике, а не того, что думают о нем другие. И помоему, вы изображаете его в слишком мрачном свете. Я не нахожу в сэре Оливере тех качеств, что вы ему приписываете.

— Но именно чтобы избавить вас от такого открытия, я и умоляю вас не выходить за него.

— И все же, если я не выйду за Оливера, то никогда не сделаю никакого открытия, а значит, буду любить его и мечтать о том, чтобы стать его женой. Неужели именно так должна пройти вся моя жизнь?

Розамунда рассмеялась и, подойдя к сэру Джону, обняла его с нежностью любящей дочери. За те десять лет, что прошли со смерти ее отца, она каждый день видела своего опекуна; подобное обращение с ним вошло у нее в привычку и заставляло его время от времени чувствовать себя человеком весьма преклонного возраста.

— Ах, к чему эта сердитая складка? — воскликнула она и провела пальцем по бровям сэра Джона. — Вы обезоружены, и не чем-нибудь, а женским умом. Неужели вам это не нравится?

— Я обезоружен женским своенравием и свойственным женщинам упрямым нежеланием видеть то, чего они не хотят видеть.

— Вам нечего показать мне, сэр Джон.

— Нечего? Разве то, о чем я говорил вам, — ничто?

— Слова — это не дела, суждения — не факты. В чем только вы его не обвиняете, но, когда я спрашиваю вас про факты, на которых

СОДЕРЖАНИЕ

МОРСКОЙ ЯСТРЕБ (Перевод Н. Тихонова)

ВСТУПЛЕНИЕ	7
------------------	---

Часть первая

СЭР ОЛИВЕР ТРЕСИЛЛИАН

Глава 1. ТОРГАШ	10
Глава 2. РОЗАМУНДА	19
Глава 3. КУЗНИЦА	28
Глава 4. ПОСРЕДНИК	37
Глава 5. ЗАЩИТНИК	46
Глава 6. ДЖАСПЕР ЛИ	56
Глава 7. ЗАПАДНЯ	68
Глава 8. «ИСПАНЕЦ»	74

Часть вторая

САКР-АЛЬ-БАР

Глава 1. ПЛЕННИК	84
Глава 2. ОТСТУПНИК	92
Глава 3. ДОМОЙ	108
Глава 4. НАБЕГ	111
Глава 5. ЛЕВ ВЕРЫ	124
Глава 6. НОВООБРАЩЕННЫЙ	131
Глава 7. МАРЗАК БЕН-АСАД	137
Глава 8. МАТЬ И СЫН	144
Глава 9. КОНКУРЕНТЫ	154
Глава 10. НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК	163
Глава 11. ИСТИНА	177
Глава 12. ХИТРОСТЬ ФЕНЗИЛЕ	193

Глава 13. ПРЕД ВЗОРОМ АЛЛАХА	203
Глава 14. ЗНАМЕНИЕ	211
Глава 15. ПУТЕШЕСТВИЕ	219
Глава 16. КОРЗИНА	226
Глава 17. ОБМАНУТЫЕ	233
Глава 18. ШАХ И МАТ	237
Глава 19. МЯТЕЖНИКИ	248
Глава 20. ПОСЛАНЕЦ	257
Глава 21. MORITURUS	263
Глава 22. КАПИТУЛЯЦИЯ	268
Глава 23. СИМВОЛ ВЕРЫ	278
Глава 24. СУДЬИ	284
Глава 25. АДВОКАТ	293
Глава 26. ПРИГОВОР	306

ОДУРАЧЕННЫЙ ФОРТУНОЙ

(Перевод В. Тирдатова)

Глава 1. ХОЗЯЙКА «ГОЛОВЫ ПАВЛА»	313
Глава 2. ПРИЕМНАЯ ГЕРЦОГА ОЛБЕМАРЛА	320
Глава 3. ЕГО СВЕТЛОСТЬ ГЕРЦОГ ОЛБЕМАРЛ	328
Глава 4. ВИШНИ В ЦВЕТУ	338
Глава 5. НАЕМНИК	351
Глава 6. МИСТЕР ЭТЕРИДЖ ПРОПИСЫВАЕТ	360
Глава 7. ЦЕЛОМУДРИЕ	370
Глава 8. МИСТЕР ЭТЕРИДЖ СОВЕТУЕТ	375
Глава 9. ОЛБЕМАРЛ ПРЕДЛАГАЕТ	379
Глава 10. БАКИНГЕМ РАСПОЛАГАЕТ	387
Глава 11. ОТВЕРГНУТАЯ ЖЕНЩИНА	394
Глава 12. ПОДВИГ БАКИНГЕМА	403
Глава 13. ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ БАКИНГЕМА	414
Глава 14. ОТЧАЯНИЕ	421
Глава 15. ТЕНЬ ВИСЕЛИЦЫ	427
Глава 16. ПОРТШЕЗ	441
Глава 17. ПОХИЩЕНИЕ	449
Глава 18. ПЕРЕГОВОРЫ	455
Глава 19. СРАЖЕНИЕ	461
Глава 20. ПОБЕДИТЕЛЬ	466
Глава 21. ПОД КРАСНЫМ КРЕСТОМ	471

Глава 22. КРИЗИС	477
Глава 23. СТЕНЫ ГОРДОСТИ	482
Глава 24. БЕГСТВО	489
Глава 25. ДОМА	494
Глава 26. ПОВОЗКА ДЛЯ МЕРТВЕЦОВ	501
Глава 27. ЧУМНОЙ БАРАК	508
Глава 28. ШУТЛИВАЯ ФОРТУНА	515
Глава 29. ЧУДО	523

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

(Перевод Л. Высоцкого)

Глава 1. ГОСТИНИЦА «БЕЛЫЙ КРЕСТ»	529
Глава 2. С ПАСПОРТОМ МЕРТВЕЦА	534
Глава 3. СОДЕРЖИМОЕ КУРЬЕРСКОЙ СУМКИ	540
Глава 4. ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ	545
Глава 5. БРИТАНСКИЙ ПОСОЛ	555
Глава 6. КА' ПИЦЦАМАНО	560
Глава 7. ЛЕОНАРДО ВЕНДРАМИН	568
Глава 8. ЖЕНЩИНА ПОД МАСКОЙ	575
Глава 9. ЕГО СВЕТЛОСТЬ	582
Глава 10. ФАРАОН	591
Глава 11. БОЛЬШОЙ СОВЕТ	595
Глава 12. ВИКОНТЕССА	601
Глава 13. УЛЬТИМАТУМ	612
Глава 14. ВОССТАНОВЛЕННАЯ РЕПУТАЦИЯ	622
Глава 15. ВЫБОР	624
Глава 16. ГЛАЗ ДРАКОНА	634
Глава 17. ПОЕДИНОК	643
Глава 18. НА МОСТУ САН-МОИЗЕ	647
Глава 19. МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ	652
Глава 20. РАЗГНЕВАННАЯ ПОТАСКУШКА	658
Глава 21. ДИПЛОМАТЫ	662
Глава 22. АРКОЛЕ И РИВОЛИ	666
Глава 23. ГРАЖДАНИН ВИЙЕТАР	676
Глава 24. С РАЗВЯЗАННЫМИ РУКАМИ	686
Глава 25. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	691
Глава 26. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	697
Глава 27. ОТСТОЯЛ СВОЮ ЧЕСТЬ	704

Глава 28. ВОПРОСЫ	709
Глава 29. ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ	716
Глава 30. СОГЛАСИЕ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ	721
Глава 31. ПОИСКИ ВЫХОДА	732
Глава 32. ИНКВИЗИТОРЫ	738
Глава 33. CASUS BELLI	754
Глава 34. ПОСЛЕДНИЙ КОЗЫРЬ ВЕНДРАМИНА	763
Глава 35. ГЕРОЙ ЛИДО	770
Глава 36. НА СВОБОДЕ	774
Глава 37. ПРИКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ	778
Глава 38. ЗАПОЗДАЛОЕ ОТКРЫТИЕ	784
Глава 39. ОТЪЕЗД	793

Сабатини Р.

С 12 Морской Ястреб. Одураченный Фортуной. Венецианская маска : романы / Рафаэль Сабатини ; пер. с англ. Н. Тихонова, В. Тирдатова, Л. Высоцкого. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 800 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-09310-2

«Морской Ястреб» — одно из лучших произведений английского писателя Рафаэля Сабатини, классика историко-приключенческой литературы. Это захватывающая история сэра Оливера, английского джентльмена, волею судьбы ставшего галерным рабом, а затем и грозным пиратом Сакр-аль-Баром, Морским Ястребом, человеком стальной воли, звериной хитрости и удивительного бесстрашия. Эти качества помогли ему остаться в живых на галерах, уцелеть при дворе алжирского паши и быть непобедимым в морских сражениях. И все же Сакр-аль-Бар оказывается на краю гибели, потому что не в силах справиться со своими чувствами — любовью, гневом и жаждой мщения.. Приключения сэра Оливера тесно переплетаются с событиями сурового и героического XVI века, легендарной эпохи правления Елизаветы I.

В настоящем издании представлены также романы «Одураченный Фортуной» и «Венецианская маска», на страницах которых оживает история XVII–XVIII веков.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ
МОРСКОЙ ЯСТРЕБ
ОДУРАЧЕННЫЙ ФОРТУНОЙ
ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.09.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 50. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-MPR-17331-02-R